

Введение. Революции в XXI веке: плюсы и минусы...

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти [см., например: Сорокин 1992б; 1994; Нефедов 2007]. Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории [см.: Гринин 1997; 2007а; Семенов, Гобозов, Гринин 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015]. С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества [см., например: Травин, Маргания 2004].

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые создались в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции резко усиливаются быстрым ростом населения, особенно доли горожан и молодежи его в структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Различные исследования [см., например: Huntington 1968; Хантингтон 2004; Стародубровская, Мау 2004] указывают на связь революций с модернизацией общества. Наши собственные исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи [см.: Гринин 2010б; 2010в; 2011а; 2012з; 2013б; 2013е; 2014б; 2014г; Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев 2012а; Коротаев, Зинькина 2010б; Коротаев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012с; 2013а; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014] показали, что сами процессы модернизации, независимо от уровня потребления и темпов демографического роста, достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые по-

трясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех создает завышенные ожидания, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели, что мы подробно анализируем в *Главах 2 и 7* настоящей монографии.

* * *

Понятие революции для характеристики общественных явлений стало применяться сравнительно поздно. Сам термин «революция» (франц. *revolution*, от позднелат. *revolution* – оборот, переворот) был заимствован из астрономии, где он и поныне означает «вращение», «обращение», «полный оборот небесного тела» [см.: Драбкин 1968: 928]. Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. По некоторым предположениям, в научный язык он вошел из названия книги Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» (*De Revolutionibus Orbium Coelestium*. Регенсбург, 1543 г.)¹. В литературе термином «революция» стали называть глубокий государственный переворот только во второй половине XVII в. [Штомпка 1996: 369]. Проблеме революции посвящено множество исследований начиная с периода английской революции XVII в.² В частности, такие философы, как Т. Гоббс и Дж. Локк, рассматривали ее как нарушение государственного порядка, хотя их оценка революции заметно различалась [см.: Гринин 2012г]. В XVIII в. о революциях немало писали французские и американские просветители и политические деятели, а также английские мыслители [см., например: Мабли 1950: 57–58; Джефферсон 1990; Юм 1965: 713]. Но только в ходе и особенно после Великой французской революции понятие «революция» наполнилось более широким содержанием, включающим движение масс, государственный переворот и идейный сдвиг. Появились понятия «контррево-

¹ См., например, статью «Революция» в *Википедии* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>). Однако П. Штомпка утверждает, что этот термин появился уже в XIV в. [Штомпка 1996: 369].

² В частности, английские идеологи этого периода, такие как Дж. Гаррингтон или Дж. Уинстенли (правда, в утопических произведениях или памфлетах), высказывали идеи, вполне актуальные и сегодня, что в процессе революции происходит передел земельной и иной собственности [см., например: Уинстенли 1950: 54–55; Сапрыкин 1975; Адо 1977: 21–23].

люция», «революционный», «эволюция»; концепция революции начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального преобразования общества [см.: Штомпка 1996: 369; Драбкин 1968: 928]. В XIX в. проблемы революций изучались очень активно, благо революций в этот и предшествующий период случилось немало. В первые десятилетия XIX в. сначала А. Сен-Симон, а позднее французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и некоторые другие сделали первые шаги к тому, чтобы объяснить революции как борьбу классов [см., например: Сен-Симон 1948, т. II: 49–50; Далин 1981: 7–41; Гринин 2010e; 2012z]. В дальнейшем по мере усиления революционных настроений эта тема стала предметом исследования прежде всего представителей левого и радикального лагеря, включая социалистов и марксистов [см., например: Володин 1982]³. Революции в зависимости от идеологической позиции романтизируются или демонизируются, а образы революционеров приобретают, выражаясь словами П. Штомпки [1996: 369], прометеевские черты (или, напротив, черты чистых злодеев⁴).

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в теорию революции, хотя, конечно, использовали эту концепцию как чисто идеологическую, направленную на свержение капитализма. Маркс уже в ранних работах пришел к достаточно глубокому пониманию внутренней взаимосвязи политической и социальной революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [Маркс 1955: 448]. Маркс и Энгельс сделали затем вывод, что революция является движущей силой истории. Особенно активно разрабатывалась идея (идушая, как уже упоминалось выше, от французских историков времен Реставрации), что революции – это борьба классов [см., например: Он же 1957a; 1957б; 1960; Энгельс 1957; 1961].

С другой стороны, Марксом было сформулировано понимание социальной революции как перехода от одного способа производства к другому, как прежде всего «изменение экономической осно-

³ Хотя, конечно, было немало вполне объективно мыслящих ученых, так или иначе затрагивающих эту тему. В этой связи стоит упомянуть, например, знаменитую книгу А. Токвиля *Старый порядок и революция* [1997].

⁴ Французский социолог Г. Ле Бон (Лебон), в частности, писал о значительном увеличении массы неприспособленных, обездоленных и «выродков», которая грозит серьезной опасностью всякой цивилизации, поскольку эта армия, объединенная ненавистью к обществу, где для нее не находится места, готова на любые разрушения [Лебон 1995 (Ле Бон 1908): 426–427].

вы» общества: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [Маркс 1959: 7]. Именно такое понимание социальной революции стало доминирующим в советском историческом материализме [см., например: Драбкин 1968; Ковалев 1969; Селезнев 1971; 1982; Сухарев, Федосеев 1984: 202–218].

Социология революции как направление стала складываться в конце XIX – начале XX в. [см. об этом, например: Goldstone 1980; 2001; Гавлин, Казакова 1980; Голдстоун 2015; Гринин, Коротаев, Малков 2010⁵]. На наш взгляд, оправданно считать это время первым этапом социологического исследования революций (среди его представителей можно выделить, в частности, Б. Адамса, Г. Ле Бона, Ч. Эллвуда [см., например: Ellwood 1905; LeBon 1913]). Однако определения революции в работах этого периода еще во многом, говоря словами П. Сорокина, базировались на ложных принципах и делились, по его терминологии, в основном на «слащавые» и «горькие» определения. Как подчеркивает сам Сорокин, под этим следует понимать те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции [Сорокин 1992^б: 267]. В то же время все громче звучали призывы к разумному и своевременному реформированию⁶. Тем не менее нельзя не отметить, что среди работ представителей революционных пар-

⁵ В настоящее время выделяют три или даже четыре поколения социологов, исследующих революцию [см., например: Goldstone 1980; 2001; Foran 1993; Голдстоун 2015]. Однако естественно, что по поводу данной периодизации имеется много споров, вариаций, существуют большие расхождения по датировкам периодов и т. п., углубляться в рассмотрение которых в данном контексте не имеет смысла.

⁶ Нужна «мирная революция», направленная на усиление государства, которое одно способно взять на себя роль верховного судьи и реформатора, как считал, например, Б. Адамс [Adams 1913: 30].

тий было довольно много интересных исследований, которые внесли заметный вклад в понимание революции. В частности, можно отметить работы В. И. Ленина [см., например: Ленин 1969*a* (1917); 1969*b*(1917); 1969(1915)], К. Каутского [1959(1909)], Р. Люксембург [1991], Л. Д. Троцкого [2005] и др. Таким образом, среди социологов второго поколения можно выделить несколько групп.

Следующий этап был связан с Октябрьской революцией. И он в период 20–50-х гг. XX в. привел уже к институционализации социологии революции; возникновение данного направления связано с именем П. А. Сорокина и названием его книги *Социология революции* [Sorokin 1925; Сорокин 1992*b*]. Среди представителей второй волны можно назвать Д. Йодера, Л. Эдвардса, Дж. С. Питти, К. Бринтона, Э. Ледерера, С. Неймана, Ф. Гросса и др. [см., например: Edwards 1927; Lederer 1936; Pettee 1938; Brinton 1965 (1938)]. Стоит также указать и некоторых русских философов, в частности Н. Бердяева [1990: Письмо первое (1923); см. также: Бердяев 1928], тем более что далее мы неоднократно используем его «закон» революции.

1950-е гг. стали началом нового периода в исследовании революции (к социологам революции этого поколения относятся, в частности, Ч. Джонсон, Дж. Дэвис, Т. Р. Гурр, Р. Тантер, Н. Смелзер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Ч. Тилли и др. [см., например: Davies 1962; Smelser 1963; Huntington 1968; Johnson 1968; Gurr 1970]). Исследователи этого периода стремились преодолеть схематизм «классической» социологии революции путем системного исследования конкретных революционных процессов. Среди направлений этого поколения в разработке концепций революции некоторые исследователи выделяют три основных подхода: 1) подход, основанный на когнитивной психологии и теории фрустрации [Davies 1962; Gurr 1968; 1970; Geschwender 1968; Feierabend *et al.* 1969; Morrison 1971; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972; Schwartz 1972 и т. д.]; 2) структурно-функционалистский подход [Smelser 1963; Tiryakian 1967; Johnson 1968; Hart 1971; Jessop 1972; Hagopian 1974 и т. д.]; 3) политико-правовой подход [Amman 1962; Stinchcombe 1965; Huntington 1968; Tilly 1975; 1978 и т. д.; подробнее об этих подходах см.: Гавлин, Казакова 1980; Stone 1966; Kramnick 1972; Zagorin 1973; Goldstone 1980].

На наш взгляд, особо ценные результаты здесь были получены в рамках первого из выше обозначенных подходов. Действительно, именно в его рамках были получены важные результаты в исследовании влияния на революционную дестабилизацию завышенных

ожиданий населения [см. в особенности: Davies 1962]. Эти результаты сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени [см., например: Гринин 2012в; Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2014с; см. также Главу 7 настоящей монографии]. Большой интерес представляют и работы Фейерабендов, показавших, что такого рода завышенные ожидания с последующей фрустрацией вполне закономерно возникают в процессе модернизации вообще – и в процессе урбанизации в особенности [Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972]⁷. Важны также и выводы Т. Р. Гурра, показавшего особо важную роль, которую играет в генерировании «революционной фрустрации» систематическое перекрывание социальных лифтов для определенных этнических, этносоциальных или социальных групп [Gurr 1968; 1970].

Достаточно важные результаты были получены и в рамках второго подхода. Эти исследователи анализировали общества как системы, чье нормальное функционирование зависит от поддержания равновесия во взаимообмене веществом, энергией и информацией между системой и окружающей ее средой, а также между подсистемами, из которых эта система состоит. Исследователи, исходившие из этого подхода, не без оснований утверждали, что любое критическое нарушение, разрушающее данное равновесие, приводит общество в состояние неравновесия [Нагорян 1974] или дисфункции [Johnson 1968], что ведет к появлению серьезного риска революционной дестабилизации. При этом в рамках данного подхода был предложен и целый ряд «кандидатов» на роль сил, приводящих социальные системы в состояния дисфункции/дестабилизации, таких как неравномерное влияние технологического роста и модернизационных процессов на потребности различных субсистем в ресурсах и на актуальное их обеспечение данными ресурсами, изменения в распределении власти между элитами различных субсистем [Jessor 1972], резкие изменения систем ценностей в результате появления новых религий или идеологий [Johnson 1968] или просто асинхронность изменения различных субсистем [Нагорян 1974].

В рамках третьего подхода революция рассматривается в качестве результата развития конфликта между различными социально-политическими группировками (*interest groups*), когда происходит радикальная эскалация обычного конфликта между ними (как в результате интенсификации самого конфликта, так и в результате рез-

⁷ Собственно, начало этих идей, а равно связи революции и модернизации и некоторых других идей, можно проследить еще со знаменитого исследования А. де Токвиля «Старый порядок и революция» [Токвиль 1997].

кого роста объема вовлекаемых в конфликт ресурсов) до такого уровня, когда обычные механизмы посредничества и поиска решения конфликта мирным путем перестают работать и политическая система претерпевает насильственный развал. Революция рассматривается как генезис «множественной суверенности», которая описывается как ситуация, обладающая следующими характеристиками: 1) конфликтующие социально-политические группировки настолько сильно противостоят друг другу по важнейшим вопросам, что их противоречия оказывается невозможно согласовать в рамках существующей политической системы; 2) две или более конфликтующие группы имеют достаточно политических, финансовых, организационных и силовых ресурсов для того, чтобы установить «суверенитет» над значимой политической или военной базой и пытаться достигнуть своих целей силовым путем. Такая ситуация может возникать под действием целого ряда факторов, к числу которых, например, Ч. Тилли относит войны, экономическую модернизацию, урбанизацию или изменения в системах ценностей и идеологические сдвиги [см., например: Tilly 1975; 1978].

Необходимо подчеркнуть, что очень важные результаты были достигнуты и в рамках данного подхода. До сих пор, например, сохраняет свое значение предложенная С. П. Хантингтоном [Huntington 1968; Хантингтон 2004] типологизация паттернов революционной дестабилизации на модели «центрального коллапса» и «наступления с периферии» [см. Главы 4, 6 данной монографии, а также, например: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015].

По мнению Дж. Голдстоуна [Goldstone 1980; 2001], можно говорить о появлении во второй половине 1970-х гг. нового поколения теорий революции⁸, что он связывал с выходом в свет фундаментальных работ Ш. Н. Айзенштадта, Дж. М. Пэйджа, Т. Скочпол и К. Э. Тримбергера [Eisenstadt 1978b; Paige 1975; Skocpol 1979; Trimberger 1978], при этом данное поколение теорий революции отличалось от предыдущего по следующим основным пунктам.

1) *Роль государства*. Для третьего поколения теорий революции была характерна трактовка государства как арены конфликта социально-политических группировок или как орудия подавления одной

⁸ Сам Голдстоун называет это поколение теорий революции третьим. Однако поскольку в основополагающей статье 1980 г. [Goldstone 1980] он рассматривал развитие социологии революции только в США, он не учел самое первое поколение теорий революций – теории революции XIX в. (имевшее и вполне серьезные достижения в работах, скажем, А. де Токвиля [1997] или К. Маркса [см., например: Маркс 1957a; 1957б]). С учетом этого правильнее все-таки было бы назвать это поколение теорий революции не третьим, а четвертым.

группировки другой. Теории четвертого поколения стали подчеркивать автономную роль государства.

2) *Пересмотр вопроса о роли внешних факторов.* Третье поколение уделяло заметное влияние внешним факторам, но прежде всего речь в них шла о войнах как триггерах революционной дестабилизации. Четвертое поколение теорий революции стало уделять особое внимание долгосрочному влиянию внешних факторов (когда, например, военное соперничество может вынуждать государство к активному извлечению ресурсов из социальной системы).

3) *Роль армии.* В рамках четвертого поколения теорий революции особое внимание стало уделяться роли силовых структур и факторам, обуславливающим их переход на сторону восставших.

4) *Роль элит.* Определенное внимание роли элит уделялось и в рамках теорий третьего поколения, хотя в них речь шла прежде всего о негибкости поведения правящей элиты как факторе революционной дестабилизации. Однако в рамках теорий четвертого поколения было показано, что и процесс революционной дестабилизации, и его последствия очень сильно зависят от структуры и поведения элит. Например, Ш. Н. Айзенштадт показал, что если революционные элиты имеют тесные связи с иными элитами, то в результате революционной дестабилизации с большей вероятностью могут появиться относительно плюралистические открытые политические системы; в то время как изолированные элиты имеют тенденцию формировать закрытые режимы, основанные на принуждении [Eisenstadt 1978a].

По мнению того же Дж. Голдстоуна, в 1990-е гг. можно говорить о формировании еще одного поколения теорий революции, которое сам Голдстоун обозначает как «четвертое» [Goldstone 2001], но которое мы (в соответствии с высказанными выше соображениями) предпочитаем называть пятым.

Наиболее существенные достижения в исследовании революций, сделанные в эти годы и позволяющие с некоторыми основаниями говорить о появлении нового поколения теорий, можно сформулировать следующим образом:

1) выявление особой значимости внутриэлитного конфликта как фактора победы революций [*Idem* 1991; Goldstone *et al.* 1991; Bearman 1993; Haggard, Kaufman 1995; DeFronzo 1996; Hough 1997; Lachmann 1997; Dogan, Higley 1998; Snyder 1998; Parsa 2000];

2) выявление особой неустойчивости промежуточных режимов, находящихся между консолидированной демократией и последова-

тельным авторитаризмом [Esty *et al.* 1998; Goldstone *et al.* 2003; 2010];

3) выявление того обстоятельства, что революции скорее препятствуют, чем способствуют становлению демократии и экономическому росту [Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chirot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001].

По мнению Дж. Голдстоуна, теории этого поколения сосредотачиваются скорее на причинах того, почему некоторые режимы более стабильны, чем другие (то есть концентрируются на изучении скорее факторов стабильности, чем нестабильности), «рассматривают широкий спектр и условий как факторов, провоцирующих потерю стабильности, признавая, что процесс и последствия революции опосредствуются групповой идентификацией, сетями и коалициями; лидерством и конкурирующими идеологиями; взаимодействием между правителями, элитами, группами народа и иностранными державами» [Goldstone 2001: 172].

В настоящее время, возможно, имеет смысл говорить о начале появления нового, шестого поколения теорий революции, связанного с изучением опыта «цветных революций» и Арабской весны [см., например: Aslund, McFaul 2006; Nepstadt 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2011a; 2011b; 2014a; 2014b; Mitchell 2012; Filali-Ansary 2012; Lynch 2012].

* * *

Несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения не существует, что, как нам представляется, неслучайно. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных определений революции. Возможно, поэтому П. Сорокин отказался давать собственное определение [1992b: 268], хотя отметил как разумное следующее определение И. Бауэра: «...революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем» [Там же]. Достаточно развернутую дефиницию приводит Э. Гидденс [1999: 512]: «Революция – процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор – это вооруженный захват власти

для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя бунт – тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой»⁹.

Для того чтобы лучше представить спектр различных мнений, имеет смысл привести большую цитату из монографии П. Штомпки [1996: 370–372], в которой он дает, как нам кажется, вполне релевантную классификацию таких дефиниций:

Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизму-прорыв» [Brinton 1965 [1938]: 237] в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю... Обе традиции – историософская и социологическая – отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» [Bullock, Stallybras 1977: 542], как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» [Fairchild 1966: 259]... Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу,

⁹ Возможно, это определение удачно дополнило бы уточнение, что в отличие от *coup d'état* (государственного переворота) революция «предполагает изменение, оказывающее воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан» [Brinton 1949: 11].

а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений: «Попытки осуществить изменения силой» [Johnson 1968: 1]; «Фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные насильственным путем» [Gurr 1970: 4]; «Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» [Brinton 1965 (1938): 4]; «Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» [Aya 1979: 44]. Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта: «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» [Huntington 1968: 264]; «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» [Skocpol 1979: 4]; «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» [Giddens 1989: 605]. Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания [Jenkins 1982]. Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйджи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями... В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насильем и принуждением.

Можно было бы добавить и ряд других, более или менее удачных, на наш взгляд, дефиниций революции. Например: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью

и господствующих мифах социального порядка, указывающее, таким образом, на большой разрыв непрерывности развития» [Neumann 1949: 333–334]. Достаточно удачным нам представляется и определение, предложенное Дж. Голдстоуном: «*Революция* представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» [Goldstone 2014b: 4; см. также: Голдстоун 2015].

Исходя из вышесказанного, не стремясь к строгой дефиниции, мы могли бы определить социальную революцию как *глубокий и резкий переворот в политических, социальных, имущественных и идеологических отношениях, который: а) совершается с помощью широкого и активного участия больших масс людей; б) затрагивает в настоящем и будущем жизнь широких масс; в) совершается насильственно (и обычно нелегитимно в понимании старого строя), а потому нередко становится более или менее жестоким, кровавым, связанным с массовым насилием процессом* [см.: Гринин, Коротаев, Малков 2010в: 11].

В целом на высоком уровне абстракции эти причины можно обобщить как усиливающееся несоответствие между социальным и политическим строем и господствующей идеологией, с одной стороны, и быстрыми социальными, экономическими и культурными изменениями в стране – с другой. Важные причины революций так или иначе связаны и с изменением идеологии, с нарастанием недовольства властью, с бессилием власти. И чем сильнее это общественное недовольство и слабость власти, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин [1992б: 278], когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения¹⁰. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и добавим – желательность) революции [Johnson 1968: 12]. Одновременно, как было замечено, правящая элита часто теряет чувство самосохранения.

* * *

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX в., поэтому лет трид-

¹⁰ В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву: «Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем долше), что люди царства своего не уважают больше» (стихотворение, посвященное Б. Слуцкому).

цать-сорок назад немало историков и обществоведов даже на Западе считали, что «XX век войдет в историю как век борьбы и революций, как время величайших революционных преобразований» [Уоддис 1975: 27; Красин 1975: 3; см. также, например: Раинко 1979].

Революция, как понятно, это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти [Ленин 1969б (1917): 145]. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Это связано как с тем, что любая власть в той или иной степени зависит от персонального состава властной элиты (и особенно верховного руководителя), так и с тем, что любая смена власти в какой-то мере ведет к переменам в идеологической интерпретации целей правления. Кроме того, в ожидании неизбежных перемен класс администраторов естественным образом оказывается дезорганизованным (например, во время выборной кампании или в ожидании смещений и новых назначений). При смене монарха или правящей партии часто сменяется почти вся руководящая верхушка, и на вхождение в дела новых руководителей уходит немало времени¹¹. В результате работа государственной машины на довольно длительное время становится менее эффективной.

Смена же власти путем революции означает гораздо более резкий сбой в работе системы часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от социальной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований шел в направлении необходимости понять причины революции и найти способы их предотвращения. Все это убедило западные страны в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революции [Edwards 1927; 1965: 213]¹².

¹¹ В этой связи, например, любопытно отметить существенные изменения во внешней политике Саудовской Аравии в 2015 г. в результате смены монарха. Это существенно, в частности, для понимания событий, описанных в *Главе 4*.

¹² Это была одна из причин усиленного исследования проблемы революций. Например, в середине 50-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифор-

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как это ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как безусловно позитивную форму. Так ли это, исследуется в настоящей монографии, особенно во второй и последней ее главах.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», не стихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран¹³. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного пе-

ния) в США начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» [Fisher 1955: II]. О широких программах исследования революций по заданию правительственных органов в США в 1960–1980-е гг. см., например: Taylor 1984: 7.

¹³ Отметим, что вразумительное объяснение того, почему эти революции получили название «цветных» (*color revolutions*), отсутствует. Автор книги «Цветные революции» А. М. Митчелл, исследовавший «революцию роз» в Грузии 2003 г., «оранжевую революцию» на Украине 2004 г. и «тюльпановую революцию» в Киргизии 2005 г. пишет: «Цветные революции... не были ни цветными, ни революциями. Розы и тюльпаны – ведь это прежде всего цветы» [Mitchell 2012: 7; см. также: Чернов 2006; Эсембаев 2009]. Действительно, логичнее было бы называть эти революции «цветочными», а не «цветными», так как из классических «цветных революций» собственно цветное обозначение имеет лишь «оранжевая революция» на Украине 2004 г., названия же, связанные с именами цветов, явно преобладают – к уже названным выше «революции роз» и «тюльпановой революции» можно добавить еще и попытку «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г., «шафрановой революции» в Мьянме 2007 г. или «жасминовую революцию» в Тунисе 2011 г. Хотя, конечно, разнообразие символов «цветных революций» выходит далеко за рамки только цветов (например, «бульдозерная революция» в Сербии 2000 г., «дынная революция» в Киргизии 2010 г. или попытка «революции зонтиков» в Гонконге 2014 г.).

рехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун [2015: 161], показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму [Там же: 161, 183]. Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни [см.: Гринин 1997; 2007a]. И мы не разделяем надежд Голдстоуна, что в «будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары» [Голдстоун 2015: 182].

Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень ясно (об этом подробно идет речь в нашей монографии). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы пытаемся проследить в представленной монографии.

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах разного уровня развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны тем, что пришли в движение внутренние этноконфессиональные противоречия. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, а также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. И стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Таким образом, для стран, в которых не сложилась крепкая государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. В указанных странах правящий режим пытался компенсировать слабость государственности квазимонархическими попытками (Сирия, Йемен, Ливия).

Это имело место даже в Египте (в попытках передать власть от Хосни Мубарака его сыну Гамалю). Попутно отметим, что одной из главных возможностей совершения революции становится отсутствие у авторитарного режима четких механизмов передачи власти. Исходя из сущности авторитарного режима, передача власти должна идти по классическому или византийскому монархическому принципу (к сыну или родственнику либо к назначенному преемнику). Однако в современных условиях такие попытки очевидно противоречат декларированным принципам народовластия и демократии. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Так или иначе, все страны, в которых последствия Арабской весны оказались наиболее тяжелыми, относятся к числу немонархических стран со слабо сложившимися традициями государственности. Это усугубляется тем фактом, что современные границы еще не успели закрепиться в качестве таких, которые отделяют одну нацию от другой.

* * *

В завершение следует подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько демократические принципы управления могут считаться универсальными.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Египте), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям или просто хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии, а то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства».

Тунис и Египет из стран, в значительной мере вовлеченных в события Арабской весны, по-прежнему остаются наиболее эконо-

мически благополучными. Тем не менее Тунис, будучи наиболее модернизированным, хотя и смог удержаться от политического срыва (там сохранилась какая-то хрупкая, но реальная демократия), в экономическом плане оказался в худшем положении, чем до «жасминовой революции». И хотя умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» обещали использовать турецкий опыт и в результате создать успешную, быстро развивающуюся демократическую страну, в которой важное место отведено религии, вскоре выяснилось, что у них это не получается [Яковина 2013]. К тому же исламистский террор измучил и Тунис, а вместе с этим возникла и опасность введения более жесткого режима (пока еще в виде военного положения).

В то же время Египет, совершивший контрреволюционный переворот, демонстрирует хорошие экономические показатели. Получается, назад, к контрреволюции? Однако нельзя забывать, что военные в Египте, загнавшие «Братьев-мусульман» в подполье и установившие еще более жесткую диктатуру, чем раньше, рискуют «наступить на те же грабли», что привели к революции 2011 г. Словом, арабские страны могут пойти в развитии не по прямой, а по социально-политической спирали.

* * *

Настоящая монография состоит из семи глав, объединенных в три части, введения, заключения и двух приложений. *Приложение 1* представляет собой очень интересный документ: это подборка писем, которые показывают эволюцию взглядов революционеров – от эйфории до разочарования. *Приложение 2* является хронологией событий, объективно и бескомпромиссно рисующей небывалый размах революционных событий и почти неизбежное их перерастание в более или менее затяжные и кровавые внутриобщественные конфликты.

В настоящем *Введении* дан обзор взглядов на революции в течение более чем столетия, анализируются те изменения, которые претерпели как сами революции, так и взгляды на них в конце XX – начале XXI в.

Часть первая «Политическая теория и ближневосточная реальность» состоит из двух глав. *Глава 1* «Факторы арабских революций» дает социально-экономический и демографический анализ процессов и изменений в Арабском мире за последние полвека, которые во многом объясняют причины арабских революций и контрреволюций. Быстрый рост населения, увеличенный процент молодежных когор в нем (так называемый «молодежный бугор»),

быстрые изменения в образовании, образе и уровне жизни сосуществуют здесь с неграмотностью, высоким авторитетом религиозных фундаменталистов, безработицей и многим другим. И все это подпитывается неудовлетворенностью уровнем справедливости, системой распределения благ, nepотизмом, коррупцией, недостатком демократии и в целом социально-политическим строем арабских государств. При определенных условиях (речь идет в частности о взрывообразном глобальном росте цен на продовольствие в 2010–2011 гг.) и активном вмешательстве извне эти факторы и привели к революционным взрывам.

Глава 2 «Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)» представляет собой теоретический анализ взаимоотношения революций и демократии, обильно опирающийся на исторические примеры и события Арабской весны, особенно в Египте. В главе показывается, что революция далеко не всегда ведет к демократии, что переход к демократии требует определенного уровня развития, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере многих арабских государств.

Часть вторая не случайно названа «Парадоксы Арабской весны», поскольку в каждой из трех глав показывается, как эйфория революции и первоначальных ее лозунгов сменяется глубоким расколом общества, падением уровня жизни, перерастанием мирных протестов в затяжные конфликты, гражданские войны и военную интервенцию.

В *Главе 3 «Сирийский тупик»* показывается эволюция внутри-сирийского конфликта, вокруг которого разгорелись нешуточные геополитические страсти, втянувшие в себя десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, США, страны Европы, Россию и др. В итоге на авансцену вышло «Исламское государство»¹⁴, представляющее собой один из самых неприятных сюрпризов Ближнего Востока, без сомнения, исключительно богатого на такого рода «сюрпризы».

Глава 4 «Ненастная “Арабская осень”»: Йемен в 2014–2015 гг.» посвящена еще одному тупику Арабской весны – Йемену. С трудом собранное после длительной гражданской войны государство и без того в своем развитии отставало от соседей. Попытки с помощью революции ввести там демократию оживили старые конфлик-

¹⁴ Подробнее об этой террористической организации см. в *Главе 5*.

ты и добавили новые. В итоге в настоящее время Йемен расколот, объят новой гражданской войной, резко усиленной интервенцией стран Залива. Все это подтверждает идею о том, что попытки сразу же ввести демократию в несложившихся государствах, особенно тех, в которых отсутствует этноконфессиональное единство (как Ливия, Ирак, Сирия, Йемен и др.), ведет к дестабилизации обстановки, росту конфликтов и гуманитарным катастрофам. В результате происходит распад ранее стабильных государств, что ведет к ускоренному распространению исламистско-террористической идеологии.

Глава 5 названа «“Исламское государство” – нежеланное дитя Арабской весны». В анализе событий, представленном в данной монографии, авторы активно используют «закон» Бердяева: «*Все революции кончаются реакциями*», поскольку события на Ближнем Востоке очень хорошо его подтверждают. Однако, расширяя этот закон, можно сказать, что и всевозможные вмешательства также часто кончаются реакциями. Вот почему можно считать, что *ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США*.

Наконец, в **третьей части** монографии («Ближний Восток и нестабильность в Мир-Системе») мы показываем влияние мир-системного фактора на изменения в арабских странах, а с другой стороны, доказываем, что турбулентные события последних пяти лет на Большом Ближнем Востоке – один из показателей того, что и вся Мир-Система пришла в мощное движение, которое мы назвали ее реконfigurацией. Эта часть монографии анализирует тесные взаимосвязи между событиями на Ближнем Востоке и глобальными изменениями.

Глава 6 «Революционная волна 2013–2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ» анализирует некоторые особенности протестов и революций на Ближнем Востоке, сравнивая их с аналогичными явлениями в других частях Мир-Системы. В частности анализируются два типа протестных движений: периферийный и центральный. В итоге становится очевидным, что при всей своей специфике революции и контрреволюции на Ближнем Востоке имеют довольно много общих черт с аналогичными событиями в других регионах.

В Главе 7 «Потрясения на Ближнем Востоке и реконfigurация Мир-Системы» дается характеристика мощных социальных движений конца 2010–2011 гг. и их последствий в Арабском мире 2012–2015 гг. с точки зрения теорий революции и модернизации. События Арабской весны и последующих за ней событий анализи-

руются в двух аспектах: исследуются, во-первых, причины, их породившие, как внутренние, так и глобальные (в частности, глобальный кризис и агфляция), а во-вторых, их влияние на будущие сценарии развития Мир-Системы. Авторы дают объяснение удивительной синхронности социальных волнений в дюжине арабских государств. В главе исследуются аналогичные по синхронности революционные события в истории, которые всегда означали крупные перемены в Мир-Системе. В итоге становится ясным, что бурные события в арабских странах также являются предвестником или началом структурных изменений мира, его реконфигурации.

В *Заключении*, названном «Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока», дается краткий анализ различных важных событий, которые не стали объектом анализа в основной части книги, такие как роль Ирана и Турции, переговоры вокруг иранской ядерной программы и др. Но главным образом *Заключение* посвящено анализу общих изменений на Ближнем Востоке (в частности, уменьшению роли Израиля), трансформации ближневосточной политики США и тем последствиям, которые возникли в результате противоречивой и крайне эгоистической политики последних. Авторы делают вывод о том, что сегодня налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, в то время как западные страны действуют таким образом, словно мы живем в XIX, а не в XXI в. Однако в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной. Это мы видим на примере кризиса с беженцами в Европе.

В целом настоящая монография на базе разностороннего теоретического исследования феномена революций дает глубокий анализ событий последних пяти лет на Ближнем Востоке, обобщает итоги предшествующего развития этого региона, раскрывает причины революционных неудач; подводит читателя к выводу, что турбулентность на Ближнем Востоке является началом нового процесса, охватившего мир; процесса, который назван авторами реконфигурацией Мир-Системы. Книга содержит множество интересных фактов, обобщений и точек зрения. Поэтому она будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем интересующимся проблемами Ближнего Востока.

Безусловно, тема арабских революций требует большого внимания и дополнительных исследований. Однако мы надеемся, что предложенная монография также внесет свою лепту в ее понимание.